

37
-784

Изданіе редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ“.

Какъ устроить нашу среднюю школу.

А. Острогорскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. Вольфа, Разъѣзжая д 15.

1903.

3
Изданіе редакціи журнала „ОБРАЗОВАНИЕ“.

Какъ устроить нашу среднюю школу.

А. Острогорскаго.

КОНТРОЛЬНЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. Вольфа, Разъѣзжая д. 15.

1903.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 13 Ноября 1903 г.

Какъ же устроить нашу среднюю школу? ¹⁾

„Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ не далекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ“.

Добролюбовъ.

Реформы средней школы русское общество страстно желаетъ и ждетъ уже много лѣтъ. Долгое время ожиданія и моленія объ избавленіи отъ тяжелаго ига „классической“ школы таились втихомолку въ стѣсненныхъ сердцахъ русскихъ людей, съ глубокой грустью взиравшихъ на своихъ дѣтей, томившихся въ „учебныхъ заведеніяхъ“ Толстовской и Деляновской эпохи. Не только критика, но даже просто обсужденіе школьных порядковъ строго запрещалось, какъ дерзновенное вольномысліе; „все обстоитъ благополучно“—вотъ былъ лозунгъ и пароль руководителей русскаго учебнаго дѣла. Такъ продолжалось долго, очень долго, цѣлую четверть вѣка, и вотъ, наконецъ, наступило время, когда гипнотизированіе себя и другихъ оказывалось уже невозможнымъ, стали дѣлаться сначала робкія попытки выраженія недовольства существующей школой, а затѣмъ понемногу все громче и громче начали вслухъ высказываться недоумѣнія и пожеланія. Пришлось какъ то сразу отказаться отъ излюбленнаго „все обстоитъ благополучно“ и констатировать, хотя и въ весьма уклончивой и осторожной формѣ, что въ средней школѣ есть различные недостатки. Это было сдѣлано въ 1898 году покойнымъ министромъ Н. П. Боголѣповымъ, и съ того момента начинается новая эра для русскаго общества—эпоха надеждъ и упованій на близкое наступленіе свѣтлаго будущаго для нашей средней школы.

¹⁾ Докладъ, читанный въ Педагогическомъ Музеѣ (Соляной Городокъ) 11 октября 1903 г.

Этотъ юношескій періодъ мечтаній, къ сожалѣнію, еще продолжается: переживъ моменты величайшаго подъема и глубочайшаго разочарованія, русское общество и теперь такъ же, какъ и пять, а пожалуй и двадцать пять лѣтъ тому назадъ находится все еще накануне реформы средней школы и съ тѣмъ же недоумѣніемъ и тоской вопрошаетъ: „когда же придетъ настоящій день“?

Чтобы отвѣтить на этотъ мучительный вопросъ, попытаемся, бѣгло обозрѣвъ всѣ начинанія Мин. Нар. Просв. за послѣднія пять лѣтъ, выяснить, что обѣщаетъ намъ возвѣщенная Министерствомъ реформа, и чего слѣдуетъ отъ нея желать.

Первымъ важнымъ шагомъ покойнаго министра Боголѣпова на пути къ улучшенію средней школы признается созваніе имъ въ январѣ 1900 г. особой комиссіи. Мотивы ея учрежденія были слѣдующіе:

„Уже давно. читаемъ мы въ официальномъ органѣ Мин-ва ¹⁾, слышались жалобы педагоговъ и родителей учащихся на различные недостатки гимназій и реальныхъ училищъ. Указывали, напримеръ, на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящій сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло;—на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ;— на нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ;—на чрезмерность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ;—на недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой;—на излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и неправильную постановку ихъ преподаванія, благодаря которой не достигается цѣль классическаго образованія;—на слабую и ненормальную постановку преподаванія отдѣльныхъ предметовъ въ реальныхъ училищахъ и т. д. Эти и подобныя жалобы, не лишенныя *известной* ²⁾ доли справедливости, побудили Министра образовывать комиссію для выясненія истиннаго положенія дѣла и обсужденія мѣръ къ его улучшенію“.

Комиссіи этой, какъ известно, были поставлены слѣдующія задачи: 1) обсудить всесторонне существующій строй средней школы съ цѣлью выяснить эти недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназій и реального училища, какъ главныхъ типовъ этой школы въ Россіи, 2) обсуждая желательныя перемены въ существующемъ строѣ классической гимназій и реального училища, идти къ этой цѣли постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки, 3) удѣлить особое вниманіе вопросу о физи-

¹⁾ См. Краткій обзоръ дѣятельности Минист. Нар. Просв. за время управленія покойнаго Министра Н. П. Боголѣпова. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1900 г. Мартъ. Стр. 35).

²⁾ Курсивъ нашъ.

ческомъ воспитаніи учащихся и 4) обсудить, какія средства могли бы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ искренняго религіознаго чувства, искренней привязанности и преданности своему Государю и отечеству, чувства долга, чести, правдивости, уваженія къ авторитетамъ и т. д., имѣя въ виду не одну систему формальныхъ предписаній, но и мѣры, проникающія повседневною жизнью школы ¹⁾).

Занятія комиссіи продолжались два мѣсяца; руководимая лично Министромъ, комиссія, состоявшая изъ 93 лицъ, работала съ рѣдкимъ усердіемъ и горячимъ интересомъ къ дѣлу. Труды комиссіи напечатаны въ восьми томахъ и содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ, который обнимаетъ собою всѣ стороны жизни средней школы, подробно рисуется ея современное положеніе и содержитъ разнообразныя предположенія о мѣрахъ къ ея улучшенію и проекты ея преобразованія ²⁾). Осенью того же года была образована при Министерствѣ вторая, и на этотъ разъ немногочисленная, комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа К. П. Яновскаго для разработки того сырого матеріала, который представляли собой труды первой комиссіи. Пока работала эта комиссія надъ подготовкой намѣченной реформы, Министерствомъ было издано нѣсколько распоряженій, которыя, въ духѣ этой реформы, направлены были на устраненіе тѣхъ или другихъ недостатковъ въ теперешнемъ строѣ среднихъ учебныхъ заведеній ³⁾). Къ наиболѣе важнымъ распоряженіямъ этого рода относятся слѣдующія: 1) были отмѣнены въ гимназіяхъ письменныя испытанія на экзаменахъ по древнимъ языкамъ, 2) преподавателямъ было вмѣнено въ обязанность составлять, въ началѣ каждого учебнаго года, подробныя программы преподаваемыхъ ими предметовъ на основаніи учебнаго плана, утвержденного Министерствомъ, 3) были отмѣнены обязательныя лѣтнія работы для учениковъ, 4) было сдѣлано напоминаніе и въ нѣкоторыхъ сторонахъ поясненіе той отвѣтственной роли, какая должна принадлежать педагогическимъ совѣтамъ и хозяйственнымъ комитетамъ въ жизни среднихъ учебныхъ заведеній, 5) предоставлено педагогическимъ совѣтамъ гимназій право переводить изъ класса въ классъ безъ экзамена тѣхъ учениковъ, которые учились успѣшно въ теченіе года или, при удовлетворительныхъ успѣхахъ, не могли явиться на экзаменъ по уважительнымъ причинамъ, и въ 6) разрѣшено приѣмные экзамены желающимъ поступить въ приготов. классы гимназій производить не только въ августѣ, но и въ маѣ, до начала лѣтнихъ каникулъ ⁴⁾).

Вотъ и все, что было сдѣлано по улучшенію средней школы

¹⁾ Тамъ же, стр. 36, 37, 38.

²⁾ Тамъ же, стр. 38.

³⁾ Тамъ же, стр. 39.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 40—44.

за трехлѣтнее управленіе Министерствомъ Н. П. Боголѣпова. Нельзя сказать, чтобы много. Возбуждены и намѣчены были многіе и серьезные вопросы, но ни одинъ изъ нихъ не получилъ радикальнаго разрѣшенія. Произошло это, главнымъ образомъ, отъ того, что изъ боязни, въ данномъ случаѣ совершенно напрасной, произвести разумную внутреннюю ломку, принялись за внѣшнія, и къ тому же незначительныя, починки. Само собою понятно, что надежды, окрылившія русское общество при возвѣщеніи Боголѣповымъ реформы средней школы, смѣнились всеобщимъ разочарованіемъ и недовольствомъ. Но вотъ умираетъ Боголѣповъ, и „на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія“ призывается 25 Марта 1901 г. генералъ-адъютантъ Ванновскій. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя новаго министра, признается „благовременнымъ безотлагательно приступить къ *коренному* пересмотру и исправленію нашего учебнаго строя“. Далѣе выражается Государемъ Императоромъ твердая увѣренность, что „новый Его сотрудникъ внесетъ въ дѣло воспитанія русскаго юношества умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе“.

Всѣмъ, конечно, памятно то повышенное настроеніе, которое охватило все русское общество по случаю назначенія генерала Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія. Поднялось всеобщее ликование, со всѣхъ сторонъ выражались самыя радужныя надежды на близкое свѣтлое будущее для русской школы. Основаніемъ для надеждъ на новые лучшіе дни послужили слѣдующія слова приказа новаго министра отъ 27 Марта.

„Я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, способствовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія; я приглашаю родителей и семьи учащихся, путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей, помочь вѣренному мнѣ министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи; я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ Правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебнаго дѣла“.

Въ этомъ приказѣ, главнымъ образомъ, заслуживаетъ вниманія и признательности обращеніе къ семьѣ, до сихъ поръ совершенно игнорировавшей, за содѣйствіемъ и помощью; одно признаніе необходимости постояннаго общенія семьи и школы—было уже значительнымъ шагомъ впередъ, и можно только очень пожалѣть, что это обращеніе не приняло почти никакихъ реальныхъ формъ, что къ участію въ трудахъ по пути осуществленія новой

программы не были привлечены представители общества, что новая образованная при Министерствѣ комиссія по своему составу все-таки носила довольно однородный характеръ, ибо въ ней въ значительной степени были представлены интересы школы, и очень мало, и то случайно,—интересы семьи. Это обстоятельство, несомнѣнно, отразилось неблагоприятно на результатахъ работъ комисіи.

„Въ 8 засѣданіяхъ, съ 28 Мая по 7 Іюня, комиссія занималась: 1)—обсужденіемъ „Основныхъ положеній устройства общеобразовательной средней школы“ и таблицы уроковъ, составленныхъ въ Министерствѣ, 2)—разсмотрѣніемъ вопроса о возможности съ начала 1901—1902 учебного года произвести нѣкоторые измѣненія въ курсѣ гимназій и реальныхъ училищъ примѣнительно къ новому учебному плану средней школы и 3)—вопросомъ о подготовкѣ преподавателей для средней школы вообще и новыхъ языковъ въ частности.

„По проекту „Основныхъ положеній“, выработанному комиссіей, правительственная средняя школа представлялась единой, одного общаго для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода типа. Задача средней школы — доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее образованіе и въ то же время готовить къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Первые три класса представляютъ полный курсъ низшей школы. Съ IV класса ученики дѣлятся на 2 группы: одни изучаютъ дополнительный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства, другіе въ тѣ же часы занимаются латинскимъ языкомъ. Греческій языкъ допущенъ въ качествѣ необязательнаго предмета въ зависимости отъ экономическихъ средствъ заведенія, размѣровъ помѣщенія и количества желающихъ изучать этотъ языкъ. Обращается особое вниманіе на воспитаніе молодежи и приученіе ея къ школьной дисциплинѣ: усиливается преподаваніе гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, вводятся подвижныя игры, ручной трудъ, образовательныя экскурсіи. Во всѣхъ университетскихъ городахъ, а также въ Вильнѣ, одна изъ имѣющихся въ нихъ среднихъ школъ должна быть съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ. Для поступленія въ высшія учебныя заведенія приняты слѣдующія основанія: изучавшіе оба древніе языка принимаются на всѣ факультеты университета безъ испытанія; изучавшіе одинъ латинскій языкъ—на факультеты: историко-филологическій и богословскій (Юрьевскаго университета) съ дополнительнымъ экзаменомъ по греческому языку; приемъ лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ, на всѣ факультеты производится на основаніи правилъ, вырабатываемыхъ соответствующими факультетами и утверждаемыхъ министромъ. Приемъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія опредѣляется уставомъ послѣднихъ. Наконецъ, промышленныя и всякаго рода техническія школы поставляются особо, при чемъ, съ цѣлью облегченія перехода изъ одной

школы въ другую, программы первыхъ трехъ классовъ во всѣхъ среднихъ школахъ по возможности сближаются.

„Въ теченіе 1901—1902 года послѣдовалъ рядъ распоряженій, внесшихъ существенныя измѣненія въ порядокъ испытаній въ среднихъ школахъ. 24 Апрѣля 1901 г. разрѣшено постороннимъ лицъ, экзаменующихся по древнимъ языкамъ, освобождать отъ письменныхъ испытаній. 14 Февраля слѣдующаго года установлены новыя правила о переводныхъ экзаменахъ, по которымъ ученики, получившіе общую годовую отмѣтку по каждому предмету не менѣе 3-хъ, переводятся въ слѣдующій классъ безъ экзамена. Распоряженіемъ 31 Марта лица домашняго воспитанія допущены къ испытаніямъ изъ курса нѣсколькихъ послѣдовательныхъ классовъ одновременно, но при условіи соответствующаго возраста.

„Собранные въ теченіе осени отзывы попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ и заключенія другихъ Министерствъ доставили новый матеріалъ для обсужденія проекта основныхъ положеній организаціи средней школы. Вторично это обсужденіе произведено было новой комиссіей подъ предѣдательствомъ Министра, съ участіемъ представителей другихъ вѣдомствъ, въ январѣ 1902 г., послѣ чего нѣсколькими подкомиссіями были разработаны отдѣльные вопросы реформы“ ¹⁾.

Къ веснѣ 1902 г. былъ уже готовъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ проектъ Положенія о средней общеобразовательной школѣ, но Высочайшимъ рескриптомъ отъ 14 Апрѣля П. С. Ванновскій былъ уволенъ по прошенію отъ должности министра...

Хотя въ проектированной П. С. Ванновскимъ реформѣ средней школы не нашли себѣ полного выраженія пожеланія и надежды наиболѣе передовой части русскаго общества, но, во всякомъ случаѣ, она въ грядущемъ открывала новые горизонты ни сулила ашей средней школѣ давно уже ожидаемые ею лучшіе дни. Поэтому сама собой понятна перемѣна въ настроеніи, происшедшая въ русскомъ обществѣ весною прошлаго года. И въ послѣднее время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше среди насъ замѣчается какое то безразличное состояніе, почти полный упадокъ интереса къ столь долго волновавшему и все таки не рѣшенному вопросу о судьбахъ нашей средней школы. Въ какомъ же положеніи находится этотъ вопросъ?

14-го же Апрѣля прошлаго года въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія вступилъ товарищъ министра Г. Э. Зенгеръ. Достойны вниманія слѣдующія слова Высочайшаго рескрипта, даннаго на его имя 10 Іюня:

„Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженія къ семьѣ,

¹⁾ См. Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1802—1902. Составилъ С. В. Рождественскій стр. 715—718.

а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшамъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждого дѣла своеволие и самомнѣніе.

„Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, не подготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ.

Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ, и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа“.

Въ соотвѣтствіи съ этими указаніями и опредѣлилось отношеніе новаго министра къ направленію школьнаго дѣла. Во-первыхъ, разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ прежнихъ министровъ было передано Ученому Комитету, другими словами, отложено въ долгій ящикъ, во-вторыхъ, сведена на нѣтъ вся огромная предыдущая работа многочисленныхъ комиссій. Новое же министерство занялось прежде всего выработкой положенія о временномъ устройствѣ учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Положеніе это, дѣйствующее съ нѣкоторыми измѣненіями и въ настоящее время, было издано въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года. За нимъ въ Августѣ послѣдовали циркуляры, имѣвшіе въ виду усиленіе средствъ физическаго развитія учащейся молодежи.

Что же касается самой реформы, ея новаго направленія, то въ теченіе цѣлаго года новаго министерства ничего не было извѣстно, и только въ Апрѣлѣ нынѣшняго года было объявлено, что главными основаніями новыхъ законопроектовъ о средней школѣ являются слѣдующія положенія:

1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку, въ большей ихъ части, необязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

2) За реальными училищами, коихъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго класса открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть

организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи.

4) Особливое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

5) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соответственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній для даннаго города ¹⁾.

Всѣ эти перечисленныя основанія сообщены предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія къ *неуклонному* руководству при разсмотрѣніи переданнаго уже въ этотъ комитетъ матеріала по вопросу о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній. Выраженіе „къ неуклонному руководству“ даетъ право думать, что передъ нами, въ существенныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ, вся будущая реформа средней школы.

II.

Постараемся же теперь, придерживаясь послѣдовательно перечисленныхъ положеній, дать себѣ отчетъ въ томъ, что же общааетъ эта будущая реформа, какія преимущества можно провидѣть въ грядущемъ по сравненію съ неизвѣстнымъ настоящимъ и тяжелымъ прошлымъ.

Уже при первомъ взглядѣ на приведенныя положенія нельзя не замѣтить, что новаго, лучшаго они почти ничего не даютъ, а между тѣмъ недостатки стараго достаточно засвидѣтельствованы и обществомъ и правительствомъ. Недостатки эти, если суммировать ихъ въ краткихъ словахъ, сводятся къ бюрократизму *классической школы* и привилегированности ея положенія. Въ послѣднемъ же проектѣ нѣтъ ни одного намека на то, какъ намѣрено министерство устранить „отчужденность школы отъ семьи и бюрократическій ея характеръ, какъ ослабить формализмъ и мертвенность, ставящіе въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ“ ²⁾. Справедливость жалобъ на это главное зло нашей школы была признана самимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія три года тому назадъ, и это зло, кажется, не устранено и послѣ короткаго примѣненія къ воспитанію юношества сердечнаго попеченія, тѣмъ болѣе, что послѣд-

¹⁾ 4-й и 7-й пункты, какъ прямо не относящіеся къ нашей задачѣ, мы опускаемъ.

²⁾ См. циркуляръ Н. П. Боголѣпова отъ 8 іюля 1899 г. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ учрежденіи особой комиссіи о среднемъ образованіи (Историческій обзоръ дѣят. М. Н. Пр. стр. 711).

нее, по словамъ недавняго циркуляра нынѣшняго министра, обращалось неоднократно въ безучастное отношеніе лицъ школьной администраціи къ предосудительному поведенію учащихся ¹⁾). Такимъ образомъ, въ этомъ самомъ существенномъ пунктѣ новый законопроектъ не можетъ разрѣшить вопроса о реформѣ средней школы и является шагомъ назадъ по сравненію съ проектомъ Ванновскаго, пытавшимся, съ извѣстнымъ успѣхомъ, отвѣтить на насущные и настоятельные запросы русскаго общества. Въ виду важности и, такъ сказать, центральности этого пункта, нельзя не задаться вопросомъ, почему же онъ остался совершенно безъ отвѣта въ новомъ законопроектѣ. Тому причиной условія и способы обсужденія самой реформы средней школы. Всякая школа есть дѣло общественное, она должна отвѣчать на нужды и запросамъ общества, а потому построение ея не можетъ идти помимо общества, безъ его непосредственнаго и ближайшаго участія. Игнорированіе этого элементарнаго положенія не можетъ не отразиться самымъ неблагоприятнымъ образомъ на судьбахъ самой школы. Во время подготовленія реформы Ванновскаго, въ обществѣ и печати шло свободное и широкое обсужденіе всѣхъ связанныхъ съ ней вопросовъ, и если бы, кромѣ того, различныя части русскаго общества (земство, дворянство, ученые и научныя учрежденія) были привлечены къ непосредственному участію въ составленіи проекта реформы средней школы, результаты его, несомнѣнно, получились бы еще болѣе отвѣчающими важности и неотложности дѣла. Послѣдній же, разсматриваемый нами, законопроектъ созрѣлъ въ нѣдрахъ самого министерства, безъ всякаго посторонняго вліянія, такъ какъ обществу совершенно не было извѣстно, какія задачи ставятся новой реформѣ, да и, правду сказать, въ виду всего прошлаго, и энергія его значительно пала, пропалъ живой интересъ и, какъ мы сказали уже выше, общество впало въ какое то состояніе безразличія, въ которомъ оно, къ сожалѣнію, и сейчасъ пребываетъ. И дѣйствительно, за послѣднія пять лѣтъ, сколько было потрачено труда, сколько томовъ матеріаловъ было разработано и обсуждено въ рядѣ комиссій при участіи многочисленныхъ лицъ—и въ результатѣ почти то же, что было пять лѣтъ тому назадъ. Не должно ли это привести насъ къ заключенію, что вопросъ столь первостепенной важности, какъ реформа средней школы, затрагивающая самымъ близкимъ образомъ жизненные интересы общества, не можетъ быть разрѣшенъ канцелярскимъ, бумажнымъ путемъ. Неужели исторія просвѣщенія на Западѣ, наконецъ, злосчастія нашей собственной школы не доказали съ очевидностью, что рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ организація школы, не можетъ исходить изъ одного центральнаго мѣста въ единообразномъ видѣ для всей Россіи съ ея многообразіемъ интере-

¹⁾ См. Циркуляръ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о дисциплинѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отъ 28 іюня 1903 г.

совѣ въ зависимости отъ различныхъ народностей, живущихъ подъ различными широтами. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что реформа нашей средней школы получить свое надлежащее разрѣшеніе лишь съ того момента, когда будетъ признанъ нецѣлесообразнымъ существующій до сихъ поръ способъ центральной его регламентаціи, когда къ устройству школьнаго дѣла будетъ призвано общество, (въ лицѣ земства, дворянства и всякихъ другихъ сословныхъ и представительныхъ учреждений), когда ему будетъ предоставлена самая широкая инициатива въ его направленіи. Только тогда установится живая связь между семьей и школой, только тогда исчезнетъ мертвенность и формализмъ школы, и явятся естественныя простыя отношенія между учащими и учащимися, и не будетъ необходимости ни въ обращеніяхъ къ сердечному попеченію, ни въ жалобахъ на упадокъ дисциплины. Вотъ гдѣ гордіевъ узелъ стоящаго передъ нами вопроса.

Говоря о необходимости предоставленія обществу широкой возможности воздѣйствія на устройство школы, мы, конечно, ничуть не забываемъ интересы государства. Государство не можетъ относиться безразлично къ тому, какъ устроена школа — это само собою очевидно, и на этомъ не стоитъ останавливаться, — оно должно ставить опредѣленные требованія къ школѣ и имѣть, какъ и общество, свою долю воздѣйствія на нее. Весь вопросъ лишь въ томъ, какъ далеко должно идти это воздѣйствіе, каковы должны быть требованія, предъявляемыя государствомъ къ школѣ. Исторія просвѣщенія не только въ Зап.-Европѣ, но и въ Россіи, достаточно ясно показала, какъ страдаютъ интересы школы, когда она становится въ рукахъ государства средствомъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей, — стоитъ только вспомнить, какъ и почему вводились и изгонялись у насъ естествознаніе и классицизмъ. По этому и по другимъ соображеніямъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться, мы полагаемъ, что воздѣйствіе государства на школу должно быть по возможности умѣренное, опредѣляющееся требованіями общегосударственной жизни. Закономъ, конечно, долженъ быть установленъ тотъ minimum требованій, которымъ должна удовлетворять всякая школа, равнымъ образомъ государство должно имѣть право контроля общаго хода школьнаго дѣла, все же остальное: выборъ типа школы, ея внутренняя организація, приглашеніе руководителя ея и т. д. необходимо предоставить обществу, которое несомнѣнно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сумѣетъ опредѣлить, какая школа будетъ отвѣчать его нуждамъ, служить его интересамъ. Чтобы школа могла служить обществу, необходимо, чтобы она зарождалась и развивалась изъ нѣдръ самого общества, которое устраивало бы ее въ каждомъ данномъ мѣстѣ сообразно своимъ мѣстнымъ нуждамъ. Правительственная же школа, по самой сущности своей, менѣ подвижная, не можетъ отвѣтить на многообразныя потребности русскаго народа. Россія — страна, менѣ всякой другой способная удовлетвориться какимъ-нибудь теоретически установленнымъ

типомъ школы. Вотъ почему мы настаиваемъ на необходимости предоставленія обществу возможности организовать школу сообразно своимъ потребностямъ. Но само собой понятно, что мало организовать школу; чтобы школа была живымъ органомъ общества, она должна постоянно ощущать на себѣ его вліяніе, находиться съ нимъ въ непосредственномъ общеніи. Для благоденствія общества, создающаго школу, и для процвѣтанія школы, его питающей, необходимо самое тѣсное единеніе. Для достиженія такого общенія между школой и обществомъ самымъ лучшимъ средствомъ можетъ служить организація при каждой школѣ попечительнаго совѣта, въ которомъ участвовали бы представители общества. Число ихъ опредѣляется въ зависимости отъ того, на чьи средства содержится каждая данная школа, но принципъ долженъ быть тотъ, что кѣмъ бы школа ни содержалась, кѣмъ бы она ни была устроена, хотя бы исключительно казной, общество должно принимать непосредственное участіе въ ея организаціи и дальнѣйшемъ направленіи.

Только при такихъ условіяхъ школа и ея представители будутъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ общества. Постоянное общеніе семьи со школой, благодѣтельное для первой, столь же хорошо отозвалось бы и на послѣдней; болѣе близкое соприкосновеніе представителей школы и семьи между собой содѣйствовало бы большому взаимному пониманію и подняло бы престижъ педагоговъ въ глазахъ общества, сознательно и свободно поручающаго имъ свое самое дорогое дѣло. Равнымъ образомъ общество, заинтересованное въ наилучшемъ веденіи школы, очень скоро, если не сразу, поняло бы, что нельзя требовать преданности всей душой дѣлу отъ людей, получающихъ нищенское вознагражденіе, что нельзя ждать воспитательнаго и живого воздѣйствія отъ человѣка, обязаннаго, для того чтобы существовать, работать, какъ почтовая лошадь, и къ тому же не имѣть своей собственной воли, отказаться отъ своего мнѣнія, отъ своихъ личныхъ наклонностей и особенностей въ угоду заранее установленной для всѣхъ людей программѣ. Словомъ, необходимо возвысить русскаго педагога прежде всего въ его собственныхъ глазахъ, поднять его авторитетъ передъ обществомъ, возвративъ ему давно уже потерянные имъ драгоценныя свойства всякаго мыслящаго человѣка—свободную инициативу и самостоятельность. И все это явится, придетъ само собой—откройте только шире двери общественной инициативѣ.

Намъ скажутъ, что все это давно извѣстно, что мы не говоримъ ничего новаго. Да, это правда: все это старо, какъ міръ, но, къ сожалѣнію, еще ново въ примѣненіи. И наша задача вовсе не въ открытіи новыхъ истинъ—это съ каждымъ днемъ становится все труднѣе; мы ставимъ себѣ болѣе скромныя цѣли: въ настоящую минуту, когда замѣтно паденіе интереса къ вопросу о реформѣ средней школы, вновь напомнить о добромъ старомъ, которое многими уже хорошо позабылось и стало, поэтому, опять какъ будто новымъ.

Изъ всего вышесказаннаго нами уже должно быть само собою очевидно, что установленіе на будущее время трехъ опредѣленныхъ типовъ средней школы не можетъ быть признано правильнымъ. Еще менѣе можно сочувствовать укорененію того порядка, по которому одинъ типъ школы, восьмиклассная гимназія, ставится въ привилегированное положеніе предъ другими. Ошибочность мнѣнія о большей образовательной цѣнности классическихъ языковъ предъ другими предметами школьнаго курса уже достаточно подверглась выясненію въ нашей литературѣ, и мы не будемъ на немъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что еще болѣе очевиднымъ для всѣхъ стало положеніе, что важно не то, *что* преподають, а *какъ*. И классическая древность, и новѣйшее естествознаніе одинаково могутъ привести къ плачевнымъ результатамъ при дурномъ ихъ преподаваніи. И классическія, и реальныя науки одинаково могутъ дать развивающій и общеобразовательный матеріалъ,—все зависитъ лишь отъ того, *что* и *какъ* изъ нихъ взять. Поэтому, повторяемъ, можно только пожалѣть, что новый законопроектъ отступилъ отъ проекта Ванновскаго, довольно рѣшительно отказавшагося отъ признанія привилегированнаго положенія за какимъ-нибудь однимъ типомъ школъ.

Но еще болѣе вызываетъ недоумѣній усугубленіе этой привилегированности введеніемъ въ образовательную систему новаго типа школъ—шестикласснаго учебнаго заведенія. Объ этихъ совершенно новыхъ учебныхъ заведеніяхъ изъ законопроекта узнаемъ только, что они будутъ съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ, и что окончаніе курса въ нихъ даетъ право на службу въ губерніи.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, почему для службы въ провинціи, съ каждымъ днемъ все больше выступающей на первый планъ общественной и государственной жизни, достаточно меньшая подготовка, чѣмъ для службы въ столицѣ. Казалось бы, наоборотъ, если вообще дѣлать какую-нибудь разницу. Да и кто пойдетъ въ такія учебныя заведенія, когда, какъ это уже было указано въ печати ¹⁾, передъ ними имѣютъ слѣдующія два преимущества *четыреклассныя* городскія училища: во 1) воспитанники ихъ поступаютъ на гражданскую службу безъ ограниченія мѣста служенія губерніей, а слѣдовательно, и въ столицѣ, во 2) *четыреклассныя* училища поставлены въ связь съ другими учебными заведеніями, каковы учительскіе институты, а между тѣмъ окончаніе проектируемаго шестикласснаго учебнаго заведенія не даетъ права продолжать дальше свое образованіе. А если принять во вниманіе, что тѣ же права и большія возможности предоставляетъ окончаніе шести основныхъ классовъ реального училища, то можно почти съ увѣренностью сказать, что новыя проектируемыя учебныя заведенія останутся лишь на бумагѣ, и въ жизни примѣненія найдутъ себѣ мало. Но все-таки была же ка-

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ 1903. № 5, стр. 336.

кая-нибудь цѣль у авторовъ проекта, считавшихъ необходимымъ внести этотъ новый типъ школы. Конечно, была и она вскрыется, если обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Авторъ проекта о шестикласной гимназiи несомнѣнно исходилъ изъ стремленія прибавить къ существующимъ типамъ школы новый по своему построенію, пригодный для предупрежденія многимъ непріятной, но неизбѣжной и необходимой демократизаціи нашихъ гимназiй. И вотъ онъ обратился къ благодѣтельной Пруссiи: въ ней имѣются шестиклассныя среднія учебныя заведенія, подъ названіемъ Realschulen, въ отличіе отъ Oberrealschulen съ 9-лѣтнимъ курсомъ. Ихъ цѣль, между прочимъ готовить, „für die mittleren Beamtenstellen“, при вольномъ переводѣ на русскій языкъ и получилось—„для службы въ губерніи“. Это заимствование, совершенное, очевидно, по старой памяти, къ сожалѣнію, какъ это часто бывало и раньше, сдѣлано не до конца и не во время. Во 1) изъ шестикласной Realschule можно переходить въ девятиклассную Oberrealschule; во-вторыхъ, если въ Пруссiи возможна сокращенная подготовка для нѣкоторыхъ среднихъ служебныхъ ступеней, то въ Россiи это для службы въ провинціи немыслимо и нежелательно. А если уже нужно во что бы то ни стало заимствовать намъ изъ Пруссiи, то, конечно, достойное этого. Тѣ же 6-классныя Realschulen и даютъ тому прекрасный примѣръ. Онѣ возникли какъ расширенныя Bürgerschulen—наши городскія училища по положенію 1872 г.; приведенныя въ связь съ Oberrealschulen онѣ, такимъ образомъ, являются связующимъ звеномъ между начальной школой Volksschule и средней—Oberrealschule. Вотъ въ этомъ мы, дѣйствительно, чрезвычайно нуждаемся.

Намъ особенно необходимо позаботиться объ установленіи связи нижней школы со средней. Какъ часто съ трудомъ и съ большими затратами для общества и государства, приобрѣтенныя въ начальной школѣ знанія растериваются нашимъ подрастающимъ поколѣніемъ за отсутствіемъ средствъ и возможности дальнѣйшаго образованія. При оторванности нынѣшней низшей школы и отсутствіи связи ея со средней школой, поступленіе въ послѣднюю чрезвычайно затруднительно, особенно для крестьянскихъ юношей. И такимъ образомъ, ежегодно наша средняя школа, а затѣмъ и Россiя, лишается притока наиболѣе даровитыхъ элементовъ русскаго народа, остающихся къ тому же безъ надлежащаго приложенія своихъ силъ. А между тѣмъ, само собой понятно, какъ много бы выиграла народная школа въ продуктивности затрачиваемыхъ на нее силъ, и средняя въ повышеніи и разнообразіи ея состава, если-бы была признана необходимость тѣсной связи между низшей и средней школой, и на самомъ дѣлѣ установлена какъ внѣшняя, такъ и внутренняя связь между этими двумя столь важными ступенями народообразовательной системы. Такой попытки, сдѣланной въ проектѣ Вановскаго, нѣтъ, къ сожалѣнію, въ новомъ.

Къ невыгодѣ послѣдняго точно также надо отнести сохраненіе нынѣшняго восьмилѣтняго курса гимназій и отсутствіе единства въ построеніи низшей ступени средней школы. Оба эти пункта достаточно разъяснены въ нашей литературѣ, и нѣтъ надобности возвращаться къ доказательствамъ совершенной достаточности для средней школы семилѣтняго курса и необходимости дать возможность родителямъ, не предопредѣляя заранѣе судьбы ребенка въ школѣ ознакомиться съ его способностями и наклонностями. Все это имѣлось въ виду при проектированіи реформы Ванновскаго; мы желали бы только внести одну существенную поправку. По проекту Ванновскаго единая школа должна была имѣть трехлѣтній курсъ. Съ такой продолжительностью никакъ нельзя согласиться по двумъ причинамъ: въ 1) въ теченіе трехъ лѣтъ нельзя сообщить ни по одному предмету, исключая лишь ариметику, сколько-нибудь законченный кругъ знаній и во 2) къ 12—13 годамъ у обыкновеннаго мальчика не могутъ еще сознательно обнаружиться наклонности и стремленія заняться одной группой наукъ, а не другой. Поэтому мы полагаемъ, что курсъ низшей ступени, общей для всѣхъ школъ, надо считать, по крайней мѣрѣ, четырехлѣтнимъ. Лишній годъ дастъ возможность закончить элементарное изученіе главнѣйшихъ предметовъ, и за этотъ промежутокъ могутъ болѣе ясно опредѣлиться индивидуальныя наклонности ученика. Для высшей же ступени школы, въ которую будутъ поступать учащіеся уже съ нѣсколькими сложившимся сознаніемъ и болѣе или менѣе опредѣлившимися способностями, для прохожденія избраннаго каждымъ круга знаній вполнѣ достаточно будетъ трехъ лѣтъ. Доказательствомъ тому могутъ служить и прежнія гимназій до 1870 года и нынѣшнія среднія школы, въ которыхъ старшій возрастъ, правда, безъ рѣзкаго ограниченія, начинается съ 5 класса.

Но настаивая на единствѣ низшей ступени для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мы еще съ большей силой считаемъ долгомъ подчеркнуть мысль о необходимости возможнаго разнообразія въ устройствѣ высшей ступени средней школы. Глубоко ошибочно мнѣніе, что цѣли общаго образованія могутъ быть достигнуты лишь при изученіи такихъ то и такихъ то предметовъ, и что есть предметы, прохожденіе коихъ, напр., математика и новые языки, обязательны во всякой средней школѣ на обѣихъ ея ступеняхъ. Основы математики, элементарное знаніе новыхъ языковъ, конечно, нужны каждому, но необходимо ли всякому во что бы то ни стало, даже при отсутствіи къ тому способностей—изучать полный курсъ математики или новыхъ языковъ,—это подлежитъ большому и большому сомнѣнію. Вѣдь, давно уже стало истинной, что задача средней школы вовсе не въ томъ, чтобы начинать своихъ питомцевъ возможно большимъ количествомъ знаній, необходимыхъ якобы въ интересахъ общаго образованія, ибо это при послѣдовательномъ проведеніи—значило бы объять необъятное, что вообще, а въ школѣ въ особенности, невозможно.

Задача школы,—помимо сообщенія основныхъ свѣдѣній, необходимыхъ какъ орудіа для дальнѣйшихъ занятій—возбудить въ учащихся любовь къ наукѣ, желаніе и умѣніе разумно трудиться, и вызвать въ нихъ интересъ къ какой-либо отрасли знаній. Поэтому и надо стремиться къ тому, чтобы курсъ средней школы въ высшей ея ступени, не задаваясь, конечно, никакими цѣлями профессиональной спеціализаціи, былъ возможно разнообразнѣе и имѣлъ бы въ виду различныя индивидуальныя способности учащихся. Пусть юноша 15 лѣтъ, при нынѣшнихъ условіяхъ обязанный съ одинаковымъ рвеніемъ заниматься множествомъ предметовъ нашей многообильной знаніями школы, часто заглушая свои личныя наклонности и вкусы, пусть онъ получитъ возможность сосредоточить свое вниманіе на одной какой-нибудь ему любезной группѣ предметовъ и проявить въ ней свои способности и интересы. Отъ этого выиграетъ и школа и наше молодое поколѣніе. И тогда не будетъ больше жалобъ на невѣжество нашего юношества, на его формальное, лишенное всякаго интереса, отношеніе къ школѣ и ея задачамъ. Вотъ почему насъ не удовлетворила бы школа, построенная по системѣ бифуркаціи, мы представляемъ себѣ ее въ идеалѣ фурцированной по $n+1$ типамъ. Мы говоримъ по $n+1$ именно потому, что не желали бы установленія заранѣе того или иного числа типовъ,—пусть ихъ создастъ сама жизнь, пусть всегда существуетъ возможность устройства новаго типа, отвѣчающаго на новые, пока, быть можетъ, еще не обнаружившіеся, запросы. Намъ лично сейчасъ представляется возможность организаціи средней школы—на высшей ея ступени—съ четырьмя развѣтвленіями: математическое, естественное и два словесныхъ: одно съ преобладаніемъ древнихъ языковъ, другое—съ преобладаніемъ новыхъ языковъ. Но мы не настаиваемъ на такой фуркаціи, мы отстаиваемъ лишь высказанный нами принципъ, а примѣненіе его пусть будетъ предоставлено тѣмъ, кто будетъ организовывать школу.

Только что изложенная нами точка зрѣнія приводитъ насъ и къ другому положенію, не нашедшему себѣ выраженія въ разсматриваемомъ нами проектѣ. Мы имѣемъ въ виду условія перехода изъ средней школы въ высшую. Въ будущемъ имѣется, повидимому, въ виду, какъ и сейчасъ, поступленіе въ ту или иную высшую школу ставить въ зависимость отъ окончанія средней школы опредѣленнаго типа. Съ такимъ положеніемъ согласиться никакъ нельзя. Одно изъ двухъ: или смотрѣть на высшую школу какъ на спеціальную, тогда предоставимъ высшей школѣ устанавливать свои требованія для желающихъ поступить въ нее, но уже совершенно безотносительно отъ того, какого типа среднюю школу окончилъ ея кандидатъ, и не будемъ средней школѣ навязывать совершенно не соглашающихся съ ея назначеніемъ спеціальныхъ задачъ подготовленія къ той или иной спеціальной школѣ, тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ жизнь даетъ примѣры того, что оканчивающій среднюю школу еще и самъ не рѣшилъ,

какую специальную школу ему выбрать; если же смотреть на высшую школу, какъ на продолженіе средней, если желать, какъ это и должно быть, чтобы высшая школа продолжала развивать общеобразовательныя задачи средней школы, а не ограничивалась бы одними специальными цѣлями, тогда при томъ построеніи средней школы, о которомъ мы говорили выше, и, исходя изъ нашей точки зрѣнія на задачи средней школы, мы приходимъ логически къ слѣдующему положенію: окончаніе средней школы должно давать право поступленія въ любое изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Во всякомъ случаѣ какъ бы ни смотрѣть на соотношеніе между средней и высшей школой, нѣтъ никакихъ причинъ закрывать кому-либо изъ оканчивающихъ среднюю школу—все равно какого типа—доступъ на физико-математическій и естественный факультетъ университета. Можно еще по нѣкоторымъ соображеніямъ, конечно, не педагогическаго свойства, согласиться съ условіями, какія были установлены для поступленія въ университеты въ проектѣ Ванновскаго ¹⁾, но нынѣшняя постановка вопроса не оправдывается ни теоретическими, ни практическими мотивами.

Переходимъ къ 5-му пункту проекта. Онъ ставитъ рядъ весьма важныхъ вопросовъ, касающихся воспитанія въ средней школѣ. При обсужденіи ихъ необходимо, въ цѣляхъ ближайшаго уясненія себѣ того, что подъ ними понимается, имѣть въ виду послѣдній циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 28 Іюня, о дисциплинѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ циркулярѣ болѣе подробно развиты взгляды министерства на различные вопросы воспитательнаго воздѣйствія въ школахъ. Прежде всего въ упомянутомъ циркулярѣ „строжайше обращается вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ“, что молодежь слѣдуетъ „пріучать въ школѣ съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ“, что „въ распоряженіи начальства среднихъ учебныхъ заведеній имѣется достаточно средствъ для воздѣйствія на

¹⁾ Успѣшно прошедшіе курсъ средней школы получаютъ свидѣтельства объ окончаніи ими средняго образованія и пользуются правомъ поступать въ высшія учебныя заведенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

А) при поступленіи въ университеты:

а) изучавшіе оба древніе языка могутъ быть приняты на всѣ факультеты безъ повѣрочнаго испытанія;

б) изучавшіе одинъ латинскій языкъ—на факультеты: историко-филологическій и богословскій (Юрьевскаго университета) съ дополнительнымъ экзаменомъ по греческому языку;

в) пріемъ лицъ, упомянутыхъ въ пунктѣ б, на прочіе факультеты, а также допущеніе на всѣ факультеты лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ, производится на основаніи правилъ и программъ, которыя имѣютъ быть выработаны соответствующими факультетами и утверждены Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Б) Пріемъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія производится на основанія уставовъ сихъ заведеній.

учащихся какъ въ смыслѣ примѣненія къ нимъ различныхъ репрессивныхъ мѣръ, поскольку таковыя оказываются необходимыми, такъ и для достиженія педагогическимъ вліяніемъ желательныхъ воспитательныхъ результатовъ. Далѣе идетъ рѣчь о способахъ предотвращенія различныхъ печальныхъ явленій, замѣчаемыхъ нынѣ въ средней школѣ, даются подробныя указанія, какъ развить пониманіе учащимися истиннаго смысла тѣхъ воспитательныхъ требованій, съ которыми къ нимъ обращаются, какъ расширить кругъ ихъ этического размышленія, какъ класный наставникъ и директоръ могутъ сблизиться съ семьей и ис остаться для воспитанника совершенно чужими людьми и на конецъ, какъ развивать въ молодыхъ душахъ восприимчивость къ заповѣди Божіей ¹⁾. Одно это неполное перечисленіе показываетъ, какъ много важныхъ вопросовъ затронуто въ цитируемомъ циркулярѣ; очевидно, разсмотрѣніе всѣхъ ихъ въ подробности отклонило бы насъ отъ нашей основной задачи, потому что напр. нвопросамъ о томъ, что такое дисциплина, и слѣдуетъ ли видѣть упадокъ ея „въ нарушеніи установленной формы одежды“ или „въ неотдаваніи чести попечителю, мѣстному губернатору и даже генералъ-губернатору“—можно было бы посвятить отдѣльную статью. Поэтому мы вынуждены ограничиться изложеніемъ нашего принципиальнаго взгляда.

Прежде всего мы должны замѣтить, что у насъ при чтеніи этого циркуляръ выявилось дѣйствительно опасеніе, что всѣ изложенныя въ немъ соображенія, по заслушаніи ихъ въ педагогическихъ совѣтахъ, обратятся въ мертвую букву, отъ чего предостерегаетъ ихъ тотъ же циркуляръ, или „подадутъ поводъ къ энергичнымъ стараніямъ внести въ дѣло воспитанія юношества“ не разумъ и сердечное о немъ попеченіе, какъ это рекомендуется, а нѣчто на нихъ совсѣмъ непохожее. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, каковъ долженъ быть уровень того педагогическаго персонала, который нуждается въ такихъ напр., заключающихся въ циркулярѣ указаніяхъ: „исправлять невѣрный или неудачный отвѣтъ учащагося нужно спокойно, строго дѣловымъ тономъ, не поднимая ученика на смѣхъ, не допуская раздражительности или колкости“. Если дѣятели нашей школы не обладаютъ даже такимъ элементарнымъ педагогическимъ тактомъ, то такіе циркуляры не могутъ, а скорѣе приведутъ къ совершенно обратнымъ результатамъ. Но, конечно, наши педагоги, какъ ихъ ни испортила вся толстовско-дедяновская система, не такъ плохи, и они нуждаются не въ детальныя указанія, а въ чемъ то гораздо болѣе крупномъ—въ *довѣрѣи* къ нимъ, въ поднятіи ихъ авторитета, ихъ личности и положенія. Въ этомъ все дѣло: дайте педагогу самостоятельность, независимость, право личной инициативы, возмож-

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г. № 7. стр. 93—98.

ность быть полноправнымъ членомъ общества, средства получить надлежащее необходимое ему образованіе, и тогда у него явится и педагогическій тактъ, и серьезное отношеніе къ дѣлу и личный авторитетъ въ глазахъ учениковъ. И не нужно будетъ ему для проведенія своего воспитательнаго воздѣйствія прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ. Поставленный въ нормальныя отношенія, онъ станетъ самъ, безъ постороннихъ указаній, относиться къ своимъ воспитанникамъ искренно, просто и доброжелательно. И вопросъ о дисциплинѣ исчезнетъ, его не будетъ, потому что тогда самое пониманіе дисциплины будетъ иное. Вѣдь, какая задача всякой школы—учить, воспитывая, и воспитывать уча. А въ чемъ заключается воспитываніе юноши? Въ развитіи въ юношѣ сознанія своего человѣческаго достоинства, укрѣпленіи въ немъ стремленій къ правдѣ и законности, возбужденіи любви къ труду и знанію. Вотъ это все и дастъ *внутреннюю* дисциплину, самую трудную и самую цѣнную, отличающую человѣка отъ животнаго, котораго путемъ дрессуры можно приучить къ самой лучшей *внѣшней* дисциплинѣ. И если внѣшняя дисциплина достигается дѣйствительно при посредствѣ наказаній и страха, то внутренняя создается только путемъ нравственнаго воздѣйствія болѣе сильной личности на болѣе слабую, при условіи существованія между ними взаимнаго довѣрія и уваженія. И все это будетъ, повторяемъ, все это придетъ, конечно, не сразу, но при одномъ условіи: предоставленія школѣ свободы.

Далѣе. Развитію нравственныхъ началъ въ юношествѣ должно содѣйствовать также и религіозное воспитаніе. Но какъ этого достигнуть въ школѣ? Это вопросъ очень трудный и сложный. Его осуществленіе встрѣчаетъ на своемъ пути нѣсколько препятствій. Эти препятствія троякаго рода:

Во-первыхъ, постановка его въ современной школѣ. Религіозныя начала преподаются учащимся на *урокахъ* Закона Божія, поставленнаго въ одинаковыя условія съ другими предметами. По этому предмету производятся экзамены такъ же, какъ и по какому-нибудь латинскому языку, задаются уроки, ставятся отмѣтки—за что? За проникновенность заповѣдями Божиими! Вѣдь все это крайне ненормально. Слово Божіе, въ высокомъ его смыслѣ, не можетъ проповѣдываться такимъ образомъ, если даваться цѣлями истиннаго религіознаго воспитанія.

Во-вторыхъ, слишкомъ низки требованія, предъявляемыя къ законоучителямъ. Отъ всякаго преподавателя нашей средней школы требуется окончаніе университета, и совершенно справедливо. Человѣкъ, призванный воспитывать и обучать юношество, оказывать на него воспитательное воздѣйствіе, долженъ обладать возможно лучшей, всесторонней подготовкой. Тѣмъ болѣе образованіе и глубина мысли нужны для преподаванія юношеству Слова Божія. Вотъ почему было бы крайне желательно и своевременно поднять вопросъ объ улучшеніи научной подготовки нашихъ законоучителей, въ громадномъ большинствѣ при-

ступающихъ къ преподаванію закона Божія съ подготовкой недостаточной, полученной ими въ средней, а не высшей школѣ (духовной семинаріи).

И, наконецъ, третье препятствіе. Начало религіознаго воспитанія всегда кладется въ семьѣ, отъ того, какъ это сдѣлано, зависитъ очень часто религіозная настроенность человѣка на всю жизнь. И если вообще въ воспитаніи ребенка чрезвычайно большую роль играетъ семья, и для достиженія желаемыхъ результатовъ важно единеніе съ ней школы, то особенно значительна роль семьи въ дѣлѣ религіознаго воспитанія, и школѣ, думается намъ, подчасъ чрезвычайно трудно идти рука объ руку съ семьей: какъ, напр. побуждать ученика къ посѣщенію церкви, когда его родители въ церковь не ходятъ, какъ, не подрывая родительскаго авторитета и не насилуя свободы совѣсти, касаться въ школѣ этого вопроса. И не предстоитъ ли опасность во многихъ такихъ случаяхъ вызывать въ ученикахъ формальное, а то и того хуже—лицемѣрное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Вотъ почему мы не представляемъ себѣ ясно тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ школа, имѣющая дѣло съ приходящими учениками, въ состояніи должнымъ образомъ вести религіозное воспитаніе юношества, между тѣмъ какъ внѣ сомнѣнія, что это дѣло съ гораздо большимъ успѣхомъ можетъ выполняться двумя другими болѣе мощными чѣмъ школа организаціями—семьей и церковью.

Переходимъ къ пункту, касающемуся вопроса о необходимости укрѣпленія въ учащихся преданности русской государственности и народности. Что собственно слѣдуетъ подъ этимъ подразумѣвать? Вѣдь не что иное, какъ любовь къ своей родинѣ, проникновеніе началами законности и правды, необходимыми для развитія всякаго культурнаго государства. Давно уже совершенно справедливо раздаются жалобы на то, что наша школа не воспитываетъ любви къ своей родинѣ, что юношество, оканчивающее нашу среднюю школу, не имѣетъ никакого представленія объ устройствѣ и состояніи того государства, которому оно призвано скорѣе отдать свои силы. И это не мудрено, когда у насъ выросло нѣсколько поколѣній, учившихся въ чужеземной школѣ, лишенной всякаго національнаго характера, т. е. соотвѣтствія условіямъ и потребностямъ своей страны. Гдѣ почерпнуть преданность русской народности, когда мы изучаемъ все, кромѣ ея нуждъ и жизни, когда лучшее выраженіе народности—ея литература очутилась въ школѣ въ какомъ то кургузомъ состояніи; откуда взяться проникновенности началами истинной государственности, когда исторія—это могучее средство воспитанія въ человѣкѣ міросозерцанія, уваженія къ культурѣ и прогрессу преподается въ фальсифицированномъ видѣ.

И исправить этотъ крупный недостатокъ никакъ нельзя введеніемъ еще новаго предмета—отечествовѣдѣнія, какъ это недавно настойчиво доказывалось. Ибо нѣтъ такого особаго школь-

наго предмета, который могъ бы развить въ юношествѣ любовь къ родинѣ и преданность государственности. Истинный патріотизмъ и проникновеніе принципами законности и правды создается совокупностію условій всего преподаванія въ школѣ, подъ влияніемъ самой школьной атмосферы. Если курсъ школы будетъ имѣть въ виду развитіе ума и духа учащихся, а не начинку ихъ бесполезными въ жизни, но нужными для какой то умственной гимнастики, знаніями, если школа будетъ развивать въ нихъ стремленія къ правдѣ и идеалы честнаго служенія своему народу, если отношеніе къ молодежи будетъ основано на уваженіи къ человѣческой личности и на справедливости, то столь желательныя начала народности и государственности зародятся и укрѣпятся сами собой какъ результатъ всего школьнаго воздѣйствія.

Но не слѣдуетъ при этомъ забывать одного весьма существеннаго обстоятельства: школа есть проявленіе общества, она не можетъ не ощущать на себѣ вліянія окружающей жизни и, оказывая на нее свое вліяніе, она въ то же время испытываетъ на себѣ вліяніе условій общественной жизни. Вотъ почему задача школы въ указанномъ направленіи очень затрудняется въ такія эпохи, какъ переживаемая нами: когда за стѣнами школы попираются права человѣка, когда личные интересы заслоняютъ интересы народа, которому общество обязано служить, когда многіе въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ забываютъ принципы законности и справедливости, изъ за личныхъ своихъ выгодъ, когда евангельская чистота жизни замѣнилась какой-то вакханаліей страстей, тогда, при такомъ вопіющемъ несоотвѣтствіи всей нашей жизни принципамъ правды и добра, проведеніе ихъ въ школѣ становится особенно труднымъ. Этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, что школа въ такіе моменты должна отказаться отъ своей высокой миссіи, нѣтъ, напротивъ того, тѣмъ настойчивѣе и упорнѣе школа обязана поддерживать свое знамя и пробуждать въ юношествѣ святыя чувства, но мы, общество, съ своей стороны, должны приложить усилія къ тому, чтобы и въ своей средѣ поскорѣе приуготовить торжество правды.

Намъ осталось рассмотреть еще одинъ послѣдній пунктъ, а именно: въ какой степени возможно полному разрѣшенію воспитательныхъ задачъ можетъ содѣйствовать упоминаемое въ концѣ проекта устройство пансіоновъ. Разсуждая теоретически, нельзя, конечно, не признать, что люди, специально посвящающіе себя дѣлу воспитанія юношества, сумѣютъ лучше выполнять это дѣло, требующее знаній и опытности, которыми весьма часто, естественно, не обладаютъ родители каждаго даннаго ученика, подчасъ только портящіе своихъ дѣтей. Но стоитъ отъ теоретическихъ разсужденій перейти къ практической сторонѣ дѣла, и сейчасъ же обнаруживаются громадныя трудности его: прежде всего для того чтобы могла идти рѣчь о воспитаніи,

о замѣнѣ семьи, необходимо въ пансіонѣ соединеніе небольшого числа дѣтей, которыя дѣйствительно объединялись бы въ семью, подъ руководствомъ человѣка, готоваго всего себя отдать этимъ дѣтямъ, отказаться отъ удобствъ личной, семейной жизни, всѣ свои заботы посвятить своимъ питомцамъ, словомъ, замѣнить имъ отца. Развѣ это такъ легко, развѣ много найдется такихъ людей, которые возьмутся за такое трудное и отвѣтственное дѣло, слѣдуя исключительно влеченіямъ своего сердца, выполняя свое призваніе. Итакъ, первое условіе, необходимое для устройства пансіона, преслѣдующаго воспитательныя цѣли, это высокія качества лица, стоящаго во главѣ такого учрежденія, второе—устройство пансіона для небольшого количества дѣтей по образцу семьи, ибо главнымъ условіемъ правильнаго воспитанія надо считать развитіе индивидуальности ребенка, а для этого, конечно, необходимо сосредоточеніе подъ одной кровлей дѣтей въ небольшомъ количествѣ не болѣе 10—15, третье—нахожденіе пансіона внѣ города,—это необходимо какъ въ интересахъ гигиены, такъ и умственнаго и нравственнаго воспитанія, среди природы, въ здоровомъ благодѣтельномъ общеніи съ нею. Такая совокупность условій, особенно при нашемъ современномъ строѣ жизни, не часто можетъ быть на лицо. Поэтому мы думаемъ, что проведеніе пансіоновъ, полезныхъ при указанныхъ условіяхъ, и возможное въ единичныхъ случаяхъ было бы невозможно и крайне нежелательно какъ система, какъ установленный порядокъ. Вспомните наши интернаты на сотни человѣкъ, устроенные въ центрѣ большихъ городовъ, куда каждый отдѣльный ребенокъ, съ своими индивидуальными особенностями, входитъ какъ одна изъ многихъ единицъ, за своимъ номеромъ, гдѣ онъ затерянный, безъ материнской ласки проводить въ тоскѣ и душевномъ одиночествѣ долгіе годы или же ищетъ разсѣянія въ шумныхъ забавахъ и продѣлкахъ, вспомните всѣ ужасы массоваго пребыванія массы дѣтей подъ одной крышей, всю душевную ломку, совершающуюся въ ребенкѣ подъ воздѣйствіемъ вѣчно смѣняющихся наблюдателей и вліяніемъ искусственной обстановки, и нельзя будетъ не согласиться, что лучше плохая семья, чѣмъ хорошая казарма, тѣмъ болѣе, что не слѣдуетъ забывать и того, что кромѣ семьи и школы воспитываетъ человѣка и окружающая жизнь, иногда лучше хорошаго отца и прекраснаго педагога, а этого весьма цѣннаго вліянія отъ знакомства и со свѣтлыми и темными сторонами жизни—пансіонеръ совершенно лишенъ. А затѣмъ не надо забывать и роли чувствъ въ воспитаніи человѣка—какъ часто ласка матери или ея отсутствіе кладетъ неизгладимую печать на душу человѣка.

А потому признавая, что современная семья во многихъ случаяхъ не стоитъ на высотѣ воспитательныхъ задачъ, мы все таки

думаемъ, что скорѣе достигнуты будутъ желаемые результаты, если мы всѣ будемъ стремиться къ поднятію семьи, хотя бы черезъ самую школу, чѣмъ если станемъ задаваться цѣлями замѣнить ее пансіонами, осуществленіе коихъ находится подъ большимъ сомнѣніемъ.—Да и кромѣ того, если бы правительство и общество обращали средства, затрачиваемыя на пансіоны въ большихъ центрахъ, на устройство учебныхъ заведеній въ маленькихъ городахъ, получились бы значительныя выгоды: увеличилось бы число умственныхъ пунктовъ, и семьямъ не пришлось бы отсылать своихъ дѣтей въ интернаты.

Если свести все сказанное нами, то получимъ слѣдующее:

1) Вопросъ о реформѣ средней школы можетъ быть рѣшенъ только при условіи предоставленія обществу широкой инициативы въ устройствѣ и веденіи школы.

2) При осуществленіи этого основного условія необходимо прежде всего позаботиться о поднятіи престижа русскаго педагога, улучшивъ его матеріальное положеніе и предоставивъ ему право инициативы и самостоятельности въ веденіи школьнаго дѣла.

3) Средняя школа должна быть исключительно общеобразовательной и не задаваться никакими побочными цѣлями.

4) Курсъ средней школы не долженъ превышать семи лѣтъ, распределенныхъ на двѣ ступени: низшую и высшую.

5) Низшая ступень, съ курсомъ не менѣе четырехъ лѣтъ, должна быть одного общаго для всѣхъ школъ типа, т. е. единой.

6) Высшая ступень должна быть устроена по возможности разнообразнѣе для того, чтобы курсъ ея, оставаясь въ предѣлахъ общаго образованія, соответствовалъ различнымъ индивидуальнымъ способностямъ учащихся.

7) Курсъ низшей школы долженъ быть такъ устроенъ, чтобъ изъ нея былъ возможенъ непосредственный переходъ въ среднюю школу.

8) Окончаніе средней школы открываетъ свободный доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія.

9) Одной изъ главныхъ задачъ средней школы должно быть нравственное воспитаніе юношества. Ея цѣль выработка въ учащихся внутренней, а не внѣшней дисциплины. Личный авторитетъ учащихся и взаимное довѣріе между учащими и учащимися, а не страхъ наказанія должны лежать въ основѣ воздѣйствія на юношество.

10) Развитію нравственныхъ началъ въ юношество должно содѣйствовать также и религіозное воспитаніе. Но при современной постановкѣ школы, она не обладаетъ достаточными средствами для его проведенія.

11) Укрѣпленіе въ учащихся преданности русской государственности и народности можетъ быть достигнуто школой, но лишь какъ результатъ всего умственного и нравственного ея воздѣйствія и при условіи соответствія окружающей жизни проводимымъ въ школѣ принципамъ правды и добра.

12) Разрѣшенію воспитательныхъ задачъ школы можетъ содѣйствовать проектируемое устройство пансіоновъ, но лишь при соблюденіи слѣдующихъ условій: организациі внѣ городовъ пансіоновъ по образцу семьи, т. е. для весьма небольшого количества питомцевъ (10—15) подъ руководствомъ людей, отдающихъ этому дѣлу по призванію, а не по обязанности.

Мы кончили, мы высказали по поводу этого большого и больного вопроса почти все главное, что думаемъ, во что вѣримъ и въ чемъ искренно убѣждены, и если все то, что въ изложенномъ нами вѣрно и справедливо, сдѣлается Вашимъ, читатели, убѣжденіемъ, убѣжденіемъ всего русскаго общества, то мы можемъ, перефразируя слова Добролюбова, сказать: и недолго намъ ждать ея (т. е. реформы средней школы): за это ручается то мучительное нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидаемъ ея появленія. Она необходима для насъ, и каждый день ничего не значитъ самъ по себѣ, а служить только кануномъ другого дня. Придетъ же онъ наконецъ, этотъ день!

11) ...
12) ...
13) ...
14) ...
15) ...
16) ...
17) ...
18) ...
19) ...
20) ...
21) ...
22) ...
23) ...
24) ...
25) ...
26) ...
27) ...
28) ...
29) ...
30) ...
31) ...
32) ...
33) ...
34) ...
35) ...
36) ...
37) ...
38) ...
39) ...
40) ...
41) ...
42) ...
43) ...
44) ...
45) ...
46) ...
47) ...
48) ...
49) ...
50) ...
51) ...
52) ...
53) ...
54) ...
55) ...
56) ...
57) ...
58) ...
59) ...
60) ...
61) ...
62) ...
63) ...
64) ...
65) ...
66) ...
67) ...
68) ...
69) ...
70) ...
71) ...
72) ...
73) ...
74) ...
75) ...
76) ...
77) ...
78) ...
79) ...
80) ...
81) ...
82) ...
83) ...
84) ...
85) ...
86) ...
87) ...
88) ...
89) ...
90) ...
91) ...
92) ...
93) ...
94) ...
95) ...
96) ...
97) ...
98) ...
99) ...
100) ...

